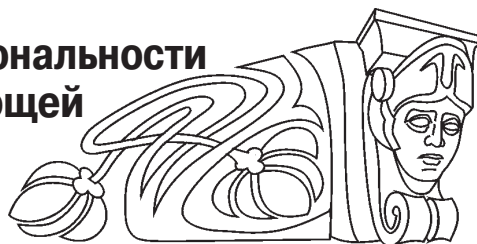

УДК 321.01

Проблематика политической функциональности государства в дискуссиях о действующей Конституции Российской Федерации

А. В. Афонасова

Афонасова Алена Владимировна, кандидат политических наук, доцент, заведующая кафедрой государственного и муниципального управления, Курганский филиал РАНХиГС при Президенте РФ, afonasova.av@kurg.ranepa.ru

В статье рассмотрены основные направления научной дискуссии отечественных политологов и правоведов о политической функциональности Российского государства в постсоветский период. На основе анализа основных позиций в научном дискурсе о целесообразности и возможностях реформирования Конституции РФ обосновано авторское понимание правового обеспечения перспектив эволюции политической функциональности государства как одной из базовых основ обеспечения стабильного и динамичного развития российского общества.

Ключевые слова: политическая функциональность государства, конституция как политический проект, конституционная стабильность, реформирование конституции.

The National Security Issue Within the Debate on the Current Constitution of the Russian Federation

A. V. Afonassova

Alena A. Afonassova, <https://orcid.org/0000-0002-6156-2811>, Kurgan branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 147a Karl Marx St., Kurgan 640022, Russia, afonassova.av@kurg.ranepa.ru

The main trends of Russian scholarships on political functionality of the Russian state in post-soviet period are considered in the article. Based on the analysis of the dominant positions about the expediency and possibilities of reformation of the constitution of the Russian Federation, the author substantiates his own conception of law support for prospects of evolution of political functionality of a state as one of the key element of providing stable and dynamic development of the Russian society.

Keywords: political functionality of a state, constitution as a political project, constitutional stability, reformation of the constitution.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-4-448-453>

Совокупность политических функций государства, закреплённая на конституционном уровне, является одной из базовых основ общественного развития постсоветской России. Тем не менее, периодически возникает вопрос о возможности/целесообразности эволюции политической функциональности государства в результате изменения внутренних и внешних условий его развития. Логическим продолжением данного вопроса является рассмотрение возможности/целесообразности эволюции Конституции РФ. В рамках данной статьи остановимся на анализе

основных точек зрения и позиций в рамках дискуссии о возможностях реформирования Основного закона Российской Федерации в контексте проблематики политической функциональности государства.

Одним из важнейших факторов эволюции политической функциональности Российского государства в постсоветский период исследователи рассматривали воздействие глобализации. Например, по мнению Н. Н. Виприцкого, процессы глобализации определяют переход от формационного подхода к оценке соотношения внутренних и внешних функций государства к цивилизационному подходу, когда «происходит определённая перегруппировка функций, осознаётся роль функций, направленных на придание цивилизационного качества всей системе отношений. Как следствие, экологическая, информационная и культурная функции перестают играть роль второстепенных, в потенции, детерминируя новое качество системы общественных отношений, образуют поле международного сотрудничества и решения общечеловеческих задач»¹. Тем самым вольно или невольно автор обосновывает приоритет международного права в определении и ранжировании совокупности внутренних функций государства, в том числе и в отношении политических функций.

Такая позиция, на наш взгляд, объясняется инерционным воздействием тех идеалистических настроений в отношении перспектив демократизации страны и укрепления общечеловеческих ценностей в мировой политике, которые получили широкое распространение среди российской интеллигенции в годы перестройки и в 1990-е гг. Однако реальное развитие международных отношений и результаты политических социально-экономических преобразований внутри страны существенно охладило надежды на благотворное воздействие глобализационных процессов и слепое следование либеральным принципам. США и их союзники, рассматривая себя в качестве победителей в «холодной войне» после разрушения СССР, неоднократно демонстрировали пренебрежение к нормам международного права и использовали военную силу в различных регионах мира. Агрессия НАТО против Югославии наглядно показала, какой может быть судьба государств, которые пытались защитить свои национальные интересы не по рецептам США и их союзников.

Поэтому уже во второй половине 1990-х годов обозначилась проблематика дискуссии вокруг Основного закона РФ и закреплённой в нем совокупности государственных функций. О политической составляющей данной проблемы достаточно красноречиво свидетельствует, например, название публикации А. Н. Медушевского – одного из ведущих специалистов по данной проблеме: «Конституционный переворот или конституционная реформа: поправки к Конституции 1993 года как инструмент борьбы за власть»². Тем не менее, общая оценка, которую автор подтвердил и в более поздних своих публикациях, заключается в том, что, несмотря на все недостатки Конституции РФ как системы «нестабильного конституционализма», ее изменение нежелательно в связи с угрозой потери закреплённых в ней демократических завоеваний.

Одним из важнейших факторов обоснования конституционной реформы в этот период стала объективная потребность обеспечения единства правового пространства Российской Федерации. Правовед из Российской академии государственной службы при Президенте РФ И. Н. Барциц приводит данные о том, что из прошедших в Министерстве юстиции России «только в 1998 г. экспертизу 8000 актов, выпущенных органами власти и управления субъектов Федерации, более 2000 были признаны не соответствующими федеральному законодательству»³. Вместе с тем И. Н. Барциц признает, что обозначилась потребность в преодолении и внутренних противоречий в Конституции РФ в сфере регулирования отношений между федеральным центром и субъектами РФ. Например, автор обращает внимание на то, что «мера автономности системы законодательства субъекта Федерации от федеральной определяется ч. 4 ст. 76 Конституции России, закрепившей, что субъекты Федерации осуществляют собственное правовое регулирование, включая принятие законов и иных нормативно-правовых актов вне пределов ведения Российской Федерации, совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов»⁴. По мнению правоведа, «буквальное толкование этой конституционной нормы выводит на заключение, что принятие законов и иных нормативно-правовых актов субъектами Федерации по вопросам совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов не допускается. Это прямо противоречит ч. 2 той же ст. 76 Конституции РФ, устанавливающей, что по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации издаются федеральные законы и принимаемые в соответствии с ними законы и нормативно-правовые акты субъектов Российской Федерации. Подобная двусмысленность должна быть преодолена»⁵.

Вопрос о возможности/целесообразности реформирования Конституции РФ (или отдельных ее частей) является одним из ключевых для

отечественных правоведов⁶. По мнению доктора юридических наук, заслуженного юриста РФ, профессора Саратовского государственного университета Г. Н. Комковой, гл. 1 Конституции РФ «Основы конституционного строя» практически не может быть изменена без пересмотра всей Конституции России. Такой супержесткий способ изменения данной главы не случаен. По мнению автора, именно она «задает тон» всем остальным главам Основного закона, «определяет основу и перспективы развития всех остальных положений Конституции и законодательства. К основам конституционного строя относятся закреплённые в ее статьях незыблемые ценности нашего государства: приоритет прав и свобод человека, государственный суверенитет, народовластие, федерализм, многообразие форм собственности и равная их защита, социальное государство, идеологическое многообразие, светскость Российского государства. Кардинальное изменение этих положений потребует пересмотра смысла существования самой Российской Федерации, ее народа»⁷. Тем не менее, в отношении 2-й главы Конституции РФ оценка правоведа уже не столь категорична и сводится к тому, что «права человека – достаточно динамичная категория, поэтому с течением времени они могут меняться, совершенствоваться»⁸. Осуществить это возможно только лишь при принятии новой конституции. Однако это не касается других шести глав Конституции, «ведь конституционные нормы, как и нормы других, менее значимых законов, должны регулировать реально существующие общественные отношения, в противном случае они могут превратиться в фикцию. Ведь общественные отношения, существующие в данном государстве, не могут оставаться неизменными, застывшими, они развиваются в связи с новыми запросами государства и его институтов и различных общественно-политических сил. Так называемая “живая” или фактическая конституция всегда многообразнее самых совершенных конституционно закреплённых формулировок»⁹.

Подобная позиция характерна для многих отечественных правоведов, исходящих из аксиомы конституционного права о том, что «в правовом государстве недопустим разрыв между конституцией и общественным правом»¹⁰. Однако мотивация незыблемости, так же как и мотивация возможности реформирования Конституции РФ, варьируется в очень широких рамках. По мнению правоведа Ю. И. Скуратова, в оценках возможных вариантов развития конституционного процесса можно выделить три основных подхода.

Суть первого подхода, который оценивается исследователем как доминировавший до последнего времени, состоит в обосновании «стабильности Конституции, отрицании необходимости внесения в ее текст каких-либо изменений»¹¹. Сторонники данной позиции признают имею-

щиеся в Конституции РФ определенные изъяны, обусловленные конъюнктурной спецификой ее принятия в декабре 1993 г., но преодолевать их предлагают путем «практического нормотворчества и правоприменения, позволяющего полное раскрыть заложенный в тексте Конституции правовой смысл»¹². Главным инструментом преодоления имеющихся расхождений между конституционными нормами и политической практикой должен выступать Конституционный Суд РФ посредством прецедентной интерпретации конституционных норм и «практического нормотворчества и правоприменения»¹³.

Второй подход состоит в том, что корректировка Конституции РФ возможна, но она не должна затрагивать «политическую и правовую сущность существующих институтов»¹⁴. Сторонники данной точки зрения смогли перевести свою теоретико-правовую позицию в практическую политическую плоскость и дважды, в 2009 и 2014 гг., обеспечили изменения в действующем Основном законе страны, которые не затрагивали ее сущностных основ. В 2009 г. посредством внесения поправок в Конституцию РФ был введен институт ежегодного отчета Правительства РФ перед Государственной Думой ФС РФ по итогам его деятельности, а также по вопросам, поставленным непосредственно парламентом. Кроме того, был увеличен срок полномочий Президента РФ до 6 лет, а Государственной Думы – до 5 лет. В 2014 г. с помощью конституционных поправок произошло упразднение Высшего Арбитражного суда и изменился порядок назначения прокуроров, а также формирование верхней палаты Федерального собрания.

Сторонники третьей точки зрения обосновывают необходимость «внесения в нее не разовых поправок, а проведения продуманной конституционной реформы, предполагающей системное изменение Основного закона в целях повышения эффективности конституционного регулирования»¹⁵. Однако сама трактовка конституционной реформы существенно различается.

Обозначенные направления дискуссий, которые особенно активизируются в связи с юбилейными рубежами действующей Конституции РФ, показывают, что объяснимо доминируют в них отечественные праведы-конституционалисты, анализирующие ее содержание с точки зрения внутренней непротиворечивости и соответствия теории конституционализма. Проблематика политической функциональности государства рассматривается данными исследователями, прежде всего, через призму конституционной теории разделения властей в рамках ее реализации в различных формах государственного устройства.

Как представляется, для того чтобы минимизировать признаваемые большинством исследователей расхождения между конституционными нормами, определяющими политическую

функциональность государства, и реальной политической практикой государственного функционирования, целесообразно использовать оценку Конституции РФ через призму ее проактивного значения. Нельзя не согласиться с Н. И. Грачевым в том, что «никакое государство не может рассчитывать на успешное, длительное развитие, если оно не имеет четко поставленных сформулированных целей и не осуществляет деятельность, направленную на их достижение <...>. Общественно-политический проект, как предназначение и наиболее общая цель пути развития социально-исторического организма, когда он ясно сформулирован и выполняется, дает возможность всем социальным группам, политическим и общественным организациям, гражданам четко обозначенный ориентир, достижение которого составляет для них высший смысл коллективного существования»¹⁶.

В этом случае на первый план логически выступает проблема идеологического, идейно-мировоззренческого и нравственного содержания Конституции РФ¹⁷. Одна из крайних позиций в этом вопросе представлена авторами фундаментального труда «Национальная идея России», которые мотивируют необходимость радикальной конституционной реформы кризисным состоянием современного российского общества. Одна из ключевых причин необходимости сущностно-реформирования либеральной Конституции РФ, по мнению авторов, обусловлена тем, что она не отражает ценностно-мировоззренческих особенностей российского народа. Используя «конституционный ценностный классификатор», состоящий из 8 параметров: 1) Бог, религиозные и этические ценности; 2) историческая традиция государственности, апелляция к предкам; 3) государственное единство; 4) идеологический проект, апелляция к будущему; 5) национальное освобождение, суверенность; 6) международное позиционирование, характер взаимоотношений с другими государствами; 7) специфика национального жизненного уклада, особенности национального бытия; 8) права и благосостояние человека)¹⁸, авторы провели сравнительный анализ Конституции РФ с конституциями других стран. Основу этого сравнения составило выявление того, насколько обозначенные ценностные ориентиры нашли отражение в содержании конституций. Вывод авторов достаточно однозначный – ни один из данных параметров не представлен в Конституции РФ должным образом, по сравнению с основными документами других стран¹⁹. Этот вывод подтвержден частотным терминологическим анализом текстов 60 конституций. И хотя авторы признают некоторые недостатки данного метода, обусловленные различными объемами текстов конституций, но он подкрепил общий вывод о наличии серьезнейшего ценностного диссонанса в действующей российской Конституции. Поэтому «при

создании новой российской Конституции задача ее духовно-ценностного насыщения становится вполне отчетливой»²⁰.

Попытки решить проблему путем идеологического целеполагания в рамках обсуждения идеи «суверенной демократии» не увенчались успехом. Ключевую причину неудачи, на наш взгляд, очень точно сформулировал А. Н. Окара: «Если вслед за риторикой “партия власти” изменит реальную идеологию (с консервативно-охранительной на консервативно-революционную) и реальные приоритеты развития страны (со “стабилизации” на “инновационную модернизацию”), можно будет считать, что концепт суверенной демократии вышел за пределы утилитарных политтехнологий и наполнился определенным онтологическим содержанием. В противном случае эта идеологическая программа так и останется красивыми словесами, лишенными как онтологической достоверности, так и мобилизационного потенциала»²¹. Данный прогноз оказался соответствующим реальности, когда политтехнологическая функциональность этой идеи оказалась приоритетной по сравнению с ее проективной составляющей, нацеленной на формирование позитивного образа будущего России. Ожесточенная либеральная критика идеи «суверенной демократии», как попытки «изобрести велосипед», была дополнена критикой со стороны представителей различных российских партий, имеющих свои партийные проекты образа будущего России. В результате попытка сформулировать общенациональную идеологию не была реализована.

Одним из аргументов ее противников была ссылка на статью Конституции РФ, запрещающую наличие государственной идеологии в постсоветской России. Один из вариантов разрешения данной проблемы обосновывает В. Н. Расторгуев, по мнению которого конституционный принцип социального государства необходимо дополнить политической доктриной социального государства²². Данная доктрина должна раскрыть основные функции Российского государства в сфере внутренней и внешней политики, к которым автор относит поддержание политического баланса внутри страны, обеспечение социальной справедливости, «возвращение или обретение социальной перспективы»²³. Однако чаще всего попытки обосновать политический проект будущего России и соответствующую политическую функциональность Российского государства остаются уделом представителей различных общественно-политических структур, публицистов, философов, отдельных инициаторов в этой сфере. Типичным примером тому могут служить сочинения А. И. Субетто²⁴, в которых автор обосновывает идеологию ноосферизма и «русский космизм» как основу «вернадскианской революции», рассматривает вызревание предпосылок становления «цивилизации общественно-

го интеллекта и образовательного общества», объединяет «ноосферный и социалистический императивы» и указывает на «ноосферную модель будущего человечества» как «ноосферный, экологический, духовный социализм»²⁵. Еще более глобальный подход к формированию идеологии будущего обосновывает Л. С. Гордина, доктор философии, кандидат технических наук, президент Ноосферной духовно-экологической Ассамблеи мира, руководитель Концептуально-аналитической группы «Ноосфера». По ее мнению, фундамент мирового развития должны составлять «основополагающие принципы Ноосферной этико-экологической Конституции человечества, исходящие из научных основ космогенеза жизни и формирующие жизнеспасающее мировоззрение Третьего Тысячелетия»²⁶.

Такие светско-сакральные идеологические проекты выглядят очень гуманистично, основываются на самых благих пожеланиях для развития России и всего человечества, но абсолютно оторваны от реалий современной мировой политики, основанной на жесткой конкуренции и борьбе за контроль над ресурсами. Поэтому обоснование функциональности «Ноо-Конституции» и «Всемирного космоноосферного права», нацеленных на интеграцию «народов в единую, космически значимую, разумно осуществляющую жизнь и жизнедеятельность цивилизацию – человечество планеты Земля»²⁷, выглядит скорее как футурологический проект, для реализации которого в современных условиях нет никаких предпосылок.

Как представляется, до тех пор, пока в Конституции РФ останется запрет на государственную идеологию, все попытки представить обществу тот или иной проект общенационального развития останутся безуспешными. Соответственно, не смогут в полной мере быть задействованы для реализации такого проекта те политические функции, которые уже закреплены в действующем Основном законе современной России. Например, в Конституции РФ закреплены базовые функции государства о том, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства». В ст. 7 зафиксировано, что «Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека»²⁸. Однако эти ключевые функции не могут быть воплощены полноценно без конкретных характеристик политических и социально-экономических основ такого государства, нормативно закрепленных в качестве ориентира общественного развития, своего рода идеального образа будущего России.

Составители действующей Конституции РФ рассчитывали на то, что закрепленные в ней либеральные ценности и принципы, максимально

нацеливающие на идеологическое многообразие и политический плюрализм, обеспечат свободную конкуренцию различных образов будущего России. Соответственно, граждане в своем свободном волеизъявлении на выборах могли бы поддерживать ту или иную партийно-идеологическую программу стратегического развития страны, формируя тем самым конкретную траекторию ее движения в будущее. Однако практика более чем двух с половиной десятилетий политического развития России после принятия Конституции РФ показала, что никакой реальной конкуренции партийных вариантов образа будущего России не получилось. Наиболее системно такой проект представлен в предвыборных программах КППРФ, но и его воздействие на избирателей конкурентам удалось достаточно успешно нейтрализовать за счет позиционирования этого проекта как попытки реанимации изжившей себя советской модели.

Определенная статусная и ресурсная диспропорция в системе разделения властей в пользу власти Президента РФ, закрепленная в Основном законе, привела к тому, что главная конкуренция в политической жизни постсоветской России развернулась не в сфере партийных идеологий, а в борьбе политических лидеров на президентских выборах. Приоритетную роль на данных выборах играли имиджевые технологии, в которых главное значение имели личностные характеристики (волевые качества, решительность, социально-психологические особенности и манера поведения и т. д.) по сравнению с партийно-идеологическими пунктами программы. В результате ни одна из ведущих российских партий (включая «Единую Россию»²⁹) не могла реализовывать свой партийно-идеологический проект как президентскую программу стратегического развития России.

В какой содержательной форме и с помощью каких политических инструментов может быть включена статья о национальной идее в Конституцию РФ, можно было бы решить после широкого научного и общественного обсуждения в результате проведения всенародного референдума. В этом случае изменение одной из базовых основ Конституции РФ ни у кого не будет вызывать сомнения и позволит легитимировать одобренные обществом стратегические контуры и ценностные характеристики образа будущего России и перспективы его воплощения в жизнь.

Примечания

- ¹ *Витрицкий Н. Н.* Внешние функции Российского государства в условиях глобализации // *Общество и право.* 2011. № 4. С. 50.
- ² См.: *Медушевский А.* Конституционный переворот или конституционная реформа: поправки к Конституции 1993 года как инструмент борьбы за власть // *Конституционное право: восточноевропейское обозрение.* 1999. № 3 (28). С. 154–167.
- ³ *Барциц И. Н.* Конституционная реформа и обеспечение единства правового пространства России // *Конституционная правовая реформа в Российской Федерации: сб. ст. / отв. ред. Ю. С. Пивоваров. М.: ИНИОН РАН, 2000. С. 94.*
- ⁴ Там же. С. 100.
- ⁵ Там же.
- ⁶ См.: *Авакьян С. А.* Нужна ли конституционная реформа в России? // *Конституционное и муниципальное право.* 2012. № 9. С. 2–9; Пробелы в российской Конституции и возможности ее совершенствования / ред.-сост. К. Г. Гагнидзе. М.: Изд-во Центра Конституц. исслед. МОНФ, 1998; *Страшун Б. А.* Не спешить с конституционной реформой // *Конституция как фактор социальных изменений: сб. докл. / отв. ред. Л. О. Иванов. М.: Центр конституц. исслед. Моск. обществ. науч. фонда, 1999. С. 85–86; Хабриева Т. Я.* Реформирование Конституции Российской Федерации: возможность и необходимость // *Журнал российского права.* 2003. № 11. С. 20–32; *Митюков М. А.* О преобразовании Конституции Российской Федерации // *Право и власть.* 2001. № 1. С. 105–112.
- ⁷ *Комкова Г. Н.* Стабильность Конституции – правовая основа стабильности Российского государства // *Вестн. Сарат. гос. юрид. акад.* 2014. № 1 (96). С. 66.
- ⁸ Там же. С. 67.
- ⁹ Там же. С. 68.
- ¹⁰ *Хабриева Т. Я.* Конституционная реформа в современном мире. М.: Наука РАН, 2016. С. 7.
- ¹¹ *Скуратов Ю. И.* Конституционная реформа в Российской Федерации (варианты развития конституционного процесса) // *Вестн. Сарат. гос. юрид. акад.* 2018. № 3 (122). С. 55.
- ¹² Там же.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ *Грачев Н. И.* Функции государства, верховной власти и государственного аппарата // *Вестн. Сарат. гос. юрид. акад.* 2019. № 3 (122). С. 19.
- ¹⁷ См.: *Вилков А. А.* Политическая целесообразность и нравственные основы Конституции Российской Федерации // *Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология.* 2013. Т. 13, вып. 4. С. 63–71.
- ¹⁸ См.: *Национальная идея России / под общ. ред. С. С. Сулакшина: в 6 т. Т. 1. М.: Научный эксперт, 2012. С. 236.*
- ¹⁹ Там же. С. 237–240.
- ²⁰ Там. С. 254.
- ²¹ *Окара А. Н.* Реприватизация будущего. «Суверенная демократия»: от поисков «новой русской идеи» к «миссии» корпорации ЗАО «Россия» // *Полития.* 2007. № 1 (44). С. 95.
- ²² См.: *Расторгуев В. Н.* Социальное государство: от конституционного принципа к политическому и геополитическому планированию // *Россия как социальное государство: конституционная модель и реальность: сб. материалов / под общ. ред. Е. И. Колюшина, А. А. Нелюбина. М.: Изд-е Совета Федерации, 2007. С. 31–35.*
- ²³ Там же. С. 33.

- ²⁴ См.: *Субетто А. И.* Соч. : в 13 т. Т. 1. Ноосферизм. Введение в ноосферизм. Ноосферизм : движение или новая научно-мировоззренческая система? / под ред. Л. А. Зеленова. Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2006.
- ²⁵ Там же. С. 625.
- ²⁶ *Гордина Л. С.* Ноосферная этико-экологическая Конституция человечества – правовая основа жизнеспасающего мировоззрения Третьего тысячелетия. URL: https://zerkala-kozyreva38.com/d/1585874/d/gordina_statya_itog_foruma.pdf (дата обращения: 20.09.2019).
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31, ст. 4398.
- ²⁹ Более того, «Единая Россия» позиционировала себя в публичном пространстве не столько в качестве самодостаточной политической силы, сколько в качестве инструмента реализации программы Президента РФ. Тем самым В. В. Путин на выборах имел статус надпартийного кандидата и, соответственно, надпартийного главы государства, а «Единая Россия» – статус функциональной пропрезидентской партии, ведущей политической опоры Президента РФ.

Образец для цитирования:

Афонасова А. В. Проблематика политической функциональности государства в дискуссиях о действующей Конституции Российской Федерации // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология.* 2019. Т. 19, вып. 4. С. 448–453. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-4-448-453>

Cite this article as:

Afonasova A. V. The National Security Issue Within the Debate on the Current Constitution of the Russian Federation. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2019, vol. 19, iss. 4, pp. 448–453 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-4-448-453>
